

что не имеет сущности общей для его частей, как, например, горсть зерна; но сущность ее вторичная, как производная от многих отдельных зерен, несущих в себе истинную и первичную сущность. Про такое целое говорят, что свойства его частей столь же вторичны, как и их бытие; о горсти зерна можно сказать, что она белая, поскольку зерна, из которых она состоит, белые. Действительно, белизна эта первична только в зернах, но она вторична в горсти зерен, которая, таким образом, лишь вторично может называться белой; точно так же можно назвать благородным целое семейство или потомство. Но тут следует помнить, что, подобно тому как для получения белой кучи необходима победа белых зерен, точно так же для получения благородного потомства необходимо, чтобы в нем побеждали благородные люди (я говорю «побеждать» в смысле количественного преобладания над другими), так чтобы добрые качества, оказавшись сильнее, затмили противоположные им качества. Как из белой кучи можно было бы выбрать пшеницу, зерно за зерном заменить ее красной гречихой и вся горсть изменила бы свой цвет, точно так же в благородном потомстве могли бы один за другим умереть все хорошие его представители и народиться дурные, так что оно переменяло бы свое название и должно было бы называться не благородным, а подлым. И этого достаточно для ответа на второй вопрос.

XXX. Как показано в третьей главе настоящего трактата, канцона эта состоит из трех главных частей. Поэтому, после того как истолкованы первые две (толкование первой началось в вышеназванной главе, толкование же второй – в шестнадцатой; так что толкование первой части занимает тринадцать глав, а второй – четырнадцать, не считая вступления к трактату о канцоне, охватившего две главы), в этой тридцатой, и последней, главе надлежит вкратце обсудить третью, главную часть, которая как своего рода украшение была добавлена в качестве заключения и начинается со слов: «Ты, против заблуждающихся, в путь...» Здесь же надо прежде всего вспомнить, что каждый хороший мастер, закончив работу, должен ее облагородить и украсить в меру своих сил, чтобы выпустить свое изделие из рук более ценным и достойным славы. Я же собираюсь это сделать в настоящей главе не как хороший мастер, а как его последователь.

Итак, я говорю: «Ты, против заблуждающихся...» Это «против заблуждающихся» и есть название канцоны, сочиненное по образцу доброго инокa Фомы Аквинского, который одну свою книгу, написанную для посрамления тех, кто сбивается с пути нашей веры, назвал «Против язычников». Итак, я пишу:

«... в путь
Отправься...» –

как бы говоря: «Отныне ты завершена, и настало для тебя время не оставаться на месте, но отправиться в путь, ибо задача твоя велика»; и

«не забудь,
Канцона, там, где дама – в вышнем круге»,

сообщить ей свое намерение. При этом надо отметить, что, как говорит Господь наш, не следует метать бисер перед свиньями, ибо это для них бесполезно, а для бисера вредно; и, как говорит поэт Эзоп в первой басне, петуху полезнее зерно, чем жемчужина, а потому он оставляет жемчужину и клюет зерно. Памятуя об этом, я советую канцоне открыть себя там, где она найдет некую госпожу, то есть Философию. Благороднейшая эта госпожа найдется тогда, когда будет найдена ее келья, то есть душа, в коей она обитает. Философия же пребывает не только в мудрецах, но, как было показано выше, в другом трактате, она находит себе пристанище всюду, где живет любовь к ней. И я прошу канцону предстать именно перед людьми, в которых живет любовь, ибо смысл этой песни принесет им пользу и будет ими воспринят.

И я говорю канцоне: «Скажи этой госпоже: „Я о твоём благовествующем друге“. Друг же ее и есть благородство; ибо настолько они любят друг друга, что благородство всегда призывает Философию, а Философия не обращает своего сладчайшего взора в другую сторону. О, сколь прекрасны эти слова, которые в конце канцоны украшают собою благородство, называя его другом Философии, истинный смысл которой обретается в сокровеннейших тайниках Божественного разума!